

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ЧЕЛОВЕК

образ и сущность

Гуманитарные аспекты

ЧЕЛОВЕК
И ГУМАНИТАРНОЕ
ЗНАНИЕ

2014

Е Ж Е Г О Д Н И К

Москва

Проблемы человека

Коллектив авторов

**Человек. Образ и сущность
2014. Гуманитарные аспекты.
Человек и гуманитарное знание**

«Агентство научных изданий»

2014

УДК 165: 008 (058)
ББК 60

Коллектив авторов

Человек. Образ и сущность 2014. Гуманитарные аспекты. Человек и гуманитарное знание / Коллектив авторов — «Агентство научных изданий», 2014 — (Проблемы человека)

Рассматриваются ключевые проблемы гуманитарного знания, представлены доклады специалистов на конференции в ИНИОН РАН. Рассматриваются возрастание роли гуманитарного знания, необходимость обновления и развития гуманитарных наук. Анализируются методологические проблемы гуманитарных наук, роль российской интеллигенции. Для научных работников, преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и студентов.

УДК 165: 008 (058)

ББК 60

© Коллектив авторов, 2014

© Агентство научных изданий, 2014

Содержание

Гуманитарное знание сегодня: Вызовы времени	5
Величие и бесценность гуманитарного знания	5
Специфика гуманитарного мышления	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты Человек и гуманитарное знание Ежегодник

Гуманитарное знание сегодня: Вызовы времени

Величие и бесценность гуманитарного знания

П.С. Гуревич

Значение гуманитарного знания

Много лет назад я по заданию Министерства образования был направлен в Японию, чтобы изучить учебные планы Института дорожного строительства. В то время я заведовал кафедрой культурологии в институте, который готовил инженеров, проектирующих мосты. Неожиданно оказалось, что японские студенты в течение целого года изучают живопись эпохи Возрождения. Разумеется, я заинтересовался, зачем строителям дорог и мостов столь углубленное изучение живописи. Ответ, вообще говоря, был едва ли предсказуем:

– Если не развивать творческое воображение инженера, он научится строить только один мост и одну дорогу.

Никогда в истории не было так много элит, обремененных столь большим объемом знаний. Обладание знаниями, их использование и проверка стали главной заботой, оценкой мастерства и лейтмотивом деятельности элит. Однако, по мнению известного ученого и публициста Джона Сола, сила элит зависит не от эффективности этих знаний, а от того, как она используется и контролируется¹. Сол считал, что главное заблуждение современной цивилизации заключается в ее абсолютной уверенности в том, что решение всех наших проблем состоит в точном применении рационально организованной экспертизы.

Однако именно использование экспертизы, по мнению Сола, как раз и провоцирует множество мучительных проблем. Действительно, убеждение в том, что мы создали самое усовершенствованное общество в истории человечества, – всего лишь иллюзия. На самом деле фрагментация знаний, разделение его на разные узкие сферы устраняют всеобщее понимание. Знание дробится, в результате обнаруживается феномен, который К. Маркс назвал «профессиональным кретинизмом».

На протяжении XIX и XX вв. точные науки постоянно сравнивают с гуманитарными, т.е. с человековедческими. В XIX и начале XX в. пальма первенства неизменно принадлежала так называемым конкретным наукам. Это было связано с тем, что естественные дисциплины (физика, химия, биология, астрономия) подарили человечеству внушительные открытия, которые позволили людям изменить собственную жизнь. Когда же речь заходила о постижении человека, человечества, общества, культуры, человеческого духа, то складывалось впечатление, будто гуманитарные науки менее важны для социальной динамики, чем, скажем, науки

---

¹ Сол Д.Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – С. 13.

естественные и технические: физика, химия, математика, механика, биология и т.д. Считалось, что гуманитарные науки не всегда конкретны и доказательны, а потому не могут дать достоверные знания.

Однако в последние десятилетия ситуация меняется. Нередко ученые и широкие слои населения отдают предпочтение гуманитарным наукам. Во многих городах сейчас созданы гуманитарные университеты. Анализ обширной философской, культурологической и художественной литературы показывает, что феномен гуманитарной культуры исследован мало. Даже само это понятие встречается крайне редко. Между тем гуманитарно-культурные ценности необходимы для человеческого рода, общества и отдельного человека. Общеизвестно, что проблема возникновения духовной культуры крайне сложна и недостаточно разработана.

Гуманитарное знание имеет дело с человеком, его ценностями, смыслами, которым люди придают особое значение. Здесь велика роль не только сознания, но и интуиции. Огромное значение в этом комплексе знаний имеет «авантюра мысли», творческое воображение. Однако это вовсе не означает, будто выводы гуманитарных наук менее ценны. Точное знание требует окончательных положений и доказательств. Гуманитарное знание предполагает строгость рассуждения, но оно не всегда имеет форму закона, теоремы или аксиомы. Иначе невозможно проникнуть в сокровенный мир человека.

Когда мы изучаем общество, культуру, осмысливаем их особенности и тенденции, приходится сразу признать, что законы природы, которые кажутся универсальными, здесь имеют ограниченное применение. Мы тотчас же обнаруживаем фундаментальное различие между конкретными науками и гуманитарным знанием. Естественные законы выражают постоянную взаимосвязь и регулярность природных феноменов. Они не могут быть созданы. Один безумец сказал: «Я – автор сорока законов природы». Это, разумеется, откровение сумасшедшего. Природные законы нельзя придумать или нарушить. Они не творятся, а открываются в их истинной природе.

Общественные законы носят принципиально иной характер. Они обусловлены человеческой активностью. В своей деятельности, в своем общении люди руководствуются целями, которые они пытаются реализовать. У человека есть потребности, которые он стремится удовлетворить. Он руководствуется собственными жизненными и практическими установками. Ориентиры человека на протяжении жизни постоянно меняются. Они могут быть нарушены. Их можно преобразовать, отменить. В обществе нередко возникает непредсказуемое развитие событий.

Многие феномены общественной жизни вообще нельзя понять, исходя из природных предпосылок. Например, согласно природе, женщина призвана продлить человеческий род. Других предназначений у нее нет. А в обществе женщина может осуществить свои социальные мечты – стать ученым, политиком, военным, наравне с мужчиной участвовать в созидании общества. Кроме того, как, опираясь, например, на физику или биологию, можно осознать смысл жизни или смысл существования мира? Тут нужно прежде всего обратиться к человеческим предпочтениям, к тем нормам, которые возникают в социальной жизни.

Прочтем внимательно строки, написанные немецким социологом и историком Максом Вебером: «Кто сегодня, кроме некоторых “взрослых” детей, которых можно встретить как раз среди естествоиспытателей, еще верит в то, что знание астрономии, биологии, физики или химии может – хоть в малейшей степени – объяснить нам смысл мира или хотя бы указать, на каком пути можно напасть на след этого “смысла”, если он существует? Если наука что и может сделать, так это скорее убить веру в то, будто вообще существует нечто такое, как “смысл” мира»².

---

² Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 717–718.

Не случайно Л.Н. Толстой отмечал ограниченность естественной науки. Да, она принесла неоспоримую пользу человечеству, открыла невиданные горизонты. Но она не дает никакого ответа на важные для нас вопросы: «Что нам делать?», «Как нам жить?» Вот почему еще в прошлом веке исследователи пытались установить различия между науками о природе и «науками о духе» (так назывались все науки, занимавшиеся изучением творений человеческого духа и таких сфер культуры, как искусство, религия, государство, экономика, право и т.д.).

Хотя ученые давно осознавали различие между науками о природе и науками о человеческом духе, некоторые мыслители все же, изучая общество, опирались на законы природы. Они считали, что общественная жизнь имеет естественный характер и что социальные процессы можно понять по аналогии с природными. Так, например, еще в античной философии возникла теория «естественного права». Предполагалось, что право существует уже в природе, заложено в самой сущности человека. Естественное право для всех одинаково, т.е. независимо от времени и места. Оно также неизменно. Скажем, право распоряжаться своей собственностью, вести войны, строить государство обусловлено природой. Иначе говоря, все люди, уже по тайне своего рождения, обладают такими способностями и правами.

В науках о природе ценность закона связана с его общезначимостью. Химическая формула воды справедлива и для Северного полушария, и для Южного, и для созвездия Центавра. В гуманитарных науках выявленные закономерности не обладают такой безоговорочной применимостью. В своеобразных условиях той или иной культуры определенные тенденции могут получить специфическую направленность.

Изучение природных законов позволяет предвидеть развитие тех или иных естественных явлений. Уже древние астрономы называли время, когда наступит затмение солнца или наводнение. Но разве люди не пытаются заглянуть в свое будущее? Можно, к примеру, рассчитать продолжительность того или иного экономического цикла, но не исключено, что ход событий будет разрушен каким-то непредвиденным фактором. Разумеется, мы раздумываем о грядущем и хотим предугадать его. Но это зачастую носит характер возможных «сценариев». Никто не думает, будто развитие общества обязательно примет такой и только такой характер. Ведь в обществе живут люди. Их сознание и воля могут изменить любую предопределенность будущего. Множество случайных факторов способно обусловить развитие не по «сценарию».

Есть еще одно отличие естественных наук от гуманитарных. Общественное развитие во многом обусловлено расширением человеческого знания. Но разве мы можем предугадать, какие теоретические открытия будут сделаны в будущем? В эпоху ветряных мельниц никто не мог предположить, какое огромное влияние на жизнь людей окажет, например, компьютер. Метод социального познания вовсе не предполагает, будто обществовед станет излагать окончательные истины, безупречные схемы и теоремы. Здесь важно научить человека мыслить, оценивать, постигать целостность бытия в его уникальном образе.

Многие ученые утверждают, что мораль, религия и искусство возникли в период верхнего палеолита (40–20 тыс. лет до н.э.), когда жили кроманьонцы. «Лишь за семь или восемь тысячелетий нам брезжит первый свет и слышны первые смутные шорохи; а позади, в глубине веков, – сумерки и безмолвие, – отмечает русский философ М. Гершензон. – Но там люди желали и мыслили так же, как и мы, и в многократный срок развития, предшествовавший нашей культуре, был добыт весь существенный опыт человечества. К тем познаниям позже ничего не прибавилось, так как неизменен издревле и поныне телесный состав человека. Первобытная мудрость содержала в себе все религии и всю науку. Она была как мутный поток протоплазмы, кишасший жизнями, как кудель, откуда человек до скончания времен будет прясть нити своего раздельного знания»³.

---

³ Гершензон М. Гольфстрем // Лики культуры: Альманах. – М.: Юристъ, 1995. – Т. 1. – С. 7.

Богатство культуры, накопленное человечеством за многие века, неисчерпаемо, оно ждет еще своего осмысления. В гуманитарно-культурном наследии Древнего мира, социально-философской мысли Индии, Китая, Греции и Рима можно отыскать глубокие размышления о человеке, о смысле жизни, о высших ценностях, роли философии, морали, права, религии, искусства, педагогики и риторики в жизни людей. Древний мир оставил нам великолепные исторические памятники, интересные философские и исторические труды, произведения искусства, мифы и легенды, скульптуры, архитектурные сооружения, «семь чудес света» и пр.

Значение гуманитарного знания, безусловно, велико. Оно многолико и многообразно. Но что оно представляет собой? Гуманитарная культура – это всеобъемлющее, «сквозное» явление, оно присутствует в разных сферах общественной жизни. Гуманитарное знание непосредственно включает в себя философию, обществознание, человековедение, право, мораль, искусство, мифологию, педагогику, филологию, гуманитарное образование, просвещение и воспитание.

Тем не менее как только в западных странах утвердилась технократическая идеология, так сразу гуманитарные предметы были признаны враждебными разуму. Была также предпринята серьезная попытка, трансформируя раздел за разделом, включить их в сферу точных наук. Так, архитектура стала наукой количественных измерений, где отдельные детали технологически формируют целое здание. Даже история искусств была превращена из суммы знаний о красоте и ремесле в математическое осознание творчества. Новые историки искусства озабочены не столько искусством или историей, сколько эволюцией технических приемов. Общественные науки, без сомнения, являются самым показательным примером того, как деформируются гуманитарные знания. Те, кто придет после нас, вероятно, будут воспринимать сужение политических, экономических, социальных знаний и искусства до математических оценок и неясного, герметически замкнутого словаря для их описания как одну из величайших глупостей нашей цивилизации.

Узколобая технократическая идеология теперь нашла признание и в нашей стране. За последние десятилетия чиновная власть в России неоднократно выступала против гуманитарного знания. Шли и продолжаются атаки на философию, историю, культурологию. Недавно министр образования и науки Д. Ливанов торжественно, как радостную новость, объявил, что скоро аспиранты не будут сдавать кандидатский минимум по философии. Чиновники убеждены в том, что таким образом молодые ученые будут заниматься непосредственно собственной темой и гораздо быстрее сделают крупные открытия. Решение министерства, по сути дела, устраняет философию из сферы образования и науки.

Философия

Далеко не во все эпохи отношение к философии было идеально позитивным. В 1850 г. министр просвещения России князь П.А. Ширинский-Шихматов поставил вопрос о том, что «польза философии не доказана, а вред возможен». По настоянию министра были закрыты многие кафедры истории философии и метафизики. Преподавание логики и психологии было возложено на профессоров богословия. Позже, в ходе реформ Александра II, философия была восстановлена в своих правах.

«Поистине трагично положение философа»⁴. Это слова Николая Александровича Бердяева. «На протяжении всей истории культуры обнаруживается вражда к философии и при-

---

⁴ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 230.

том с самых разнообразных сторон. Философия есть самая незащищенная сторона культуры»⁵. Последняя фраза просто великолепна по отточенности формулировки.

Религия обслуживает запросы духа. Человек обращает свой взор к Богу, когда испытывает жуткие муки одиночества, страх перед смертью, напряжение душевной жизни. Мистика чарует возможностями глубинного обостренного богообщения. Она дарит надежду на чудо. Наука демонстрирует неоспоримые успехи познающего ума. Будучи опорой цивилизации, она не только разъясняет одухотворяющие истины, но и обустривает людей, продлевает им жизнь.

В наши дни вновь ставится вопрос: зачем, скажем, естественникам сдавать кандидатский минимум по философии? Пусть лучше гоняются за элементарной частицей в своем синхротроне. Спросим, однако, много ли выиграла страна, в которой на долгие годы и десятилетия была запрещена философская антропология? Антропологизм как тип мышления получил ярлык «абстрактный». Человека объявили простым слепком общественных отношений. Во всем мире – антропологический бум, ренессанс знания о человеке. У нас – зачастую гуманистическая риторика, бессодержательные заклинания политических партий об учете человеческого фактора.

В июле 1999 г. три доктора физико-математических наук В.В. Низовцев, Ю.Н. Любитов и В.С. Мурзин, выступив в «НГ-науке», объявили, что науку движет эксперимент. Если нет возможности измерить, просчитать, разглядеть, то нечего и теоретизировать. Научная методология, утверждали авторы, основана на проверках и перепроверках результатов, тщательном анализе тех условий, которые нужны для постановки экспериментов. Все это отшлифовало научный подход и превратило физику и другие «точные» науки в уникальный и всеохватный инструмент познания мира⁶.

Авторы вразумляют: научное высказывание любого физика проходит многократную проверку... А философы способны только задержать развитие науки. Изучение философии приводит к печальным результатам. «Древние греки, – пишут авторы, – много внимания посвятившие философии, когда начинали с ответа на вопрос (имеется в виду “а что это такое?” – П.Г.) (...) не позволяли себе сделать следующий шаг, пока не будет определен предмет исследования. Поэтому они успешно занимались геометрией и математикой, но на много сотен лет затормозили развитие науки физики. У них были гениальные догадки, но они бы могли продвинуться значительно дальше, если бы не ложная методологическая установка – “философия впереди физики”»⁷.

Бедные, наивные греки! Вместо того чтобы измерять массу и заряд, они мучительно размышляли над тем, а что это такое? Поздно, поздно, оказывается, спохватились эллины. Но если бы древние греки, оставив свою любовь к мудрости, собирали бы минералы, дробя, разогревая или охлаждая их, если бы они занимались только опытами, наука как специфическая форма постижения реальности, скорее всего, вообще не появилась бы.

Может быть, не стоило бы останавливать внимание на этой публикации, если бы она не выражала некоторые тенденции современных научных представлений и не таила бы в себе ряд важных проблем, связанных со спецификой философского знания. Эксперимент сам по себе, вне теории, не вполне ясная вещь. В мифологическом мышлении пространство и время никогда не рассматриваются как чистые и пустые формы. Наука без предварительных философских установок непродуктивна и во многом невозможна. Опытные знания накапливались в древних культурах, в том числе и восточных. Но наука как феномен возникла лишь в строго определен-

---

⁵ Там же.

⁶ Низовцев В.В., Любитов Ю.Н., Мурзин В.С. О судьбе философии и науки // НГ-Наука: Ежемесячное приложение к «Независимой газете» – М., 1999. – № 7, Июль.

⁷ Там же.

ной точке культурного поля. Именно там, где обнаружили неисчерпаемый потенциал абстракции, универсальное (философское мировоззрение).

Прежде чем приступить к опытной экспертизе, древние греки должны были вооружиться некоей догадкой. Не так ли в голове Демокрита появилась идея о том, что, вероятно, все многообразные предметы окружающего мира состоят из мельчайших неделимых частиц? Эта интуиция как раз и дала исток химии и физике. Поиск «кирпичиков» мироздания и открыл возможности для разносторонних экспериментов.

Прежде чем древние эллины приступили к различным экспериментам, потребовалась огромная сила умозрения, чтобы Вселенная оказалась схваченной единым взглядом, чтобы родилось теоретическое представление о времени и пространстве, на котором зиждется физика. «Науки в Египте практически не существовали, математика пребывала в зачатке, – пишет К. Уилсон. – Как и китайцы, египтяне предпочитали древности ради древности, поэтому их медицина была смесью современных наблюдений и замшелых снадобий, почерпнутых из старых книг. Религия страдала той же непоследовательностью, вызванной нежеланием порвать с прошлым»⁸. Прежде чем развернулась работа по массовым экспериментам, древние эллины должны были выработать абстрактные представления о пространстве и времени.

Пространство и время – структуры, в которые вмещается вся реальность. Вне условий пространства и времени мы не можем познать ни один реальный предмет. Ничто в мире, согласно Гераклиту, не может превысить своей меры, а мера эта – пространственные и временные ограничения. Описывать и анализировать специфические черты, которые приобретают пространство и время в человеческом опыте, – такова одна из самых благодарных и важных задач антропологической философии, отмечает Э. Кассирер⁹.

Наивно и безосновательно считать явления пространства и времени необходимыми и тождественными для всех живых существ. «Низшим организмам, очевидно, мы не можем приписать тот же род пространственных восприятий, что и человеку. И даже между человеческим миром и миром высших антропоидов остается в этом отношении явное и неустранимое различие»¹⁰. Кассирер считал, что первой и важнейшей заслугой греческой мысли было то, что она открыла существование абстрактного пространства. Обыкновенные люди могут осмысливать пространство, время и движение лишь на основании отнесенности этих понятий к воспринимаемым объектам. О каком же эксперименте можно вести речь, если примитивное мышление не способно не только осмыслить систему пространства, но даже понять его схему. Конкретное пространство примитивного мышления не может быть приведено в схематическую форму.

Этнография показала, отмечает Кассирер, что первобытные племена наделены чрезвычайно острым восприятием пространства. Туземец способен видеть мельчайшие детали своего окружения. Он чрезвычайно чувствителен к любому изменению в состоянии обычных объектов среды. Даже в самых трудных условиях он способен найти верную дорогу. С чрезвычайной точностью следует он за всеми поворотами реки, когда гребет или идет под парусом вниз или вверх по течению. Однако при ближайшем рассмотрении, показывает Кассирер, мы с удивлением замечаем, что вопреки этой способности у него обнаруживается странный недостаток, касающийся понимания пространства. Если попросить его дать общее описание, начертить карту реки со всеми ее поворотами, то он не сможет этого сделать и даже не поймет вопроса.

Те же этапы развития, отмечает Э. Кассирер, мы обнаруживаем, когда переходим от проблемы пространства к проблеме времени. Здесь, правда, обнаруживаются не только совершенно точные аналогии, но также и характерные различия в развитии того или другого понятия. Согласно Канту, пространство есть форма «нашего внешнего опыта», а время – «форма

---

⁸ Уилсон К. Окультное. – М.: Республика: Терра–Книжный клуб, 2001. – С. 148.

⁹ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Юрист, 1998. – 784 с.

¹⁰ Там же. – С. 490.

внутреннего опыта». При истолковании своего внутреннего опыта человек сталкивается с новыми проблемами. Здесь он не может использовать те же методы, что при первых попытках организовать и систематизировать свои знания о физическом мире. У того и другого вопроса лицо, однако, общая основа. Ведь даже время осмысливается, прежде всего, не как специфическая форма человеческой жизни, а как общее условие органической жизни вообще.

Органическая жизнь существует, лишь развертываясь во времени. Это не вещь, а процесс – нескончаемый, непрерывный поток событий. И в этом потоке ничто не повторяется в той же самой форме. К органической жизни хорошо приложимы слова Гераклита: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Организм никогда не локализован в единственном мгновении. В его жизни все три времени – настоящее, прошедшее и будущее – создают некое целое, которое нельзя расщепить на отдельные элементы.

Таким образом, античная философия вряд ли преуспела бы на путях эксперимента и развития физики, если бы она не отдала должной дани философии. Целевое систематическое экспериментирование для Античности не было характерно. Попытки проведения эксперимента обнаруживаются у Архимеда при определении плотности, площадей поверхностей и объемов тел (мысленного). Птолемей экспериментально определил индекс преломления воздуха по отношению к воде и воды по отношению к стеклу, причем определил с высокой степенью точности без применения математической формулировки.

Все это вовсе не означает, что у древних греков, как отмечают авторы статьи в «НГ-науке»¹¹, была ложная методологическая установка – философия впереди физики. Напомним ученым мужам, что она же, по определению учеников Аристотеля, это как раз то, что после физики. Античная философия дала человечеству не просто ряд «гениальных догадок». Она нарисовала общий план мироздания, наметила пути его постижения, разработала общие и частные категории, которые позволили науке сделать колоссальный рывок в познании универсума.

Культурология

Еще сохранилась память о том времени, когда чиновники предложили исключить культурологию из образовательного стандарта. Культурология стала развиваться в нашей стране в 60-х годах прошлого века. Появились научные центры и кафедры, были выпущены первые работы по культурологии. Однако само название дисциплины долгое время было неприемлемым по идеологическим соображениям. Первым специалистам по теории культуры приходилось с трудом добывать эмпирические сведения, «вводить в обиход» имена крупных исследователей.

Культура – это выявление смысла мира в общности людей, в их практике и в идеалах, разделяемых ими. Культурология в нашей стране развивается стремительно. Выпущены уже сотни трудов, хрестоматий, антологий. Изучение культурологии как самостоятельной дисциплины узаконено теперь в отечественном образовании. Одновременно изучение культуры развивается в рамках антропологии и этнографии.

Именно поэтому статус культурологии в современном образовании весьма значителен. Культурология представлена сегодня системой научных и образовательных организаций – отраслевыми научно-исследовательскими институтами Министерства культуры, отделами и секторами в составе многих академических и отраслевых НИИ, рядом специальных культурологических учебных заведений, несколькими сотнями культурологических кафедр, созданных фактически во всех вузах страны как гуманитарного, так и технического профиля. Культуро-

---

¹¹ Низовцев В.В., Любитов Ю.Н., Мурзин В.С. О судьбе философии и науки // НГ-Наука: Ежемесячное приложение к «Независимой газете» – М., 1999. – № 7, Июль.

логия знакомит людей с духовным богатством разных культур, всего человечества. За время своего существования культурология как учебная дисциплина добилась немалых успехов. По всей стране развернулись культурологические исследования, которые превратились в значительный фактор гуманитарного знания. Достаточно сказать, что в нашей стране сложились культурологические школы. Назовем хотя бы некоторые имена – В.С. Библер, А.Л. Доброхотов, Г.С. Кнабе, Е.М. Мелетинский.

Социальные нововведения обычно начинаются с преобразования ценностей. Возьмем, к примеру, процесс модернизации в странах Востока. С чего начиналось здесь преобразование жизни? Разумеется, с постепенного изменения ценностных ориентаций. Как только культурологи фиксировали перемены в духовной жизни людей, так возникала почва для перестройки социальных процессов. Нельзя объяснить динамику общества без глубокого погружения в образ жизни, систему мышления, культурного осознания.

Культурология сама оказалась комплексной интегративной дисциплиной. Она включила в себя комплекс знаний, накопленных внутри философии культуры, социологии культуры. Выделив культуру как специфический класс явлений, наделенных символическим значением и присущих только человеческому обществу, Уайт выявил принципиально важную черту антропологии как науки о человеке. Он дополнил свое определение примечательной констатацией: человек – это мир его культуры. В самом деле, нельзя говорить о культуре без выявления ее генезиса (происхождения), без анализа символической природы культуры и ее воздействия на историю, без выявления специфики различных культур.

Культурология – сравнительно новая гуманитарная дисциплина. Как самостоятельная наука она оформилась в начале XX столетия. В западной литературе проблематика культуры рассматривается, как правило, в философии культуры, в культурной антропологии. Эти дисциплины позволяют обновить методологию в области истории, этнографии, истории культуры.

Интерес к культуре в наши дни определяется многими обстоятельствами. Современная цивилизация стремительно преобразует окружающую среду, социальные институты, бытовой уклад. В связи с этим культура оценивается как фактор творческого жизнеустройства, неиссякаемый источник общественных нововведений. Отсюда стремление выявить потенциал культуры, ее внутренние резервы, отыскать возможности ее активизации. Рассматривая культуру как средство человеческой самореализации, можно выявить новые неистощимые импульсы, способные оказывать воздействие на исторический процесс, на самого человека.

Вот почему в современном знании выявился особый интерес к культуре как к фактору социального развития. Некоторые исследователи приходят к убеждению, что именно духовные черты, социокультурные признаки конкретного общества или даже целого региона накладывают отпечаток на социально-историческую динамику. Многие теоретики связывают судьбы мира с философским постижением культуры в целом или культуры отдельного народа в частности.

В истории человечества можно выделить эпохи, когда развитие было медленным, еле ощутимым. В Древнем Китае традиции регулировали весь образ жизни. Любой поступок был ритуально обусловлен.

Время, казалось, остановилось и в Древнем Египте, поколение за поколением вели сходную жизнь. А вот во Франции XIX в. революции следуют одна за другой, на человека обрушивается каскад перемен.

По мнению многих исследователей, в прошлом веке произошел разрыв социального и культурного циклов. Иначе говоря, в один и тот же социальный период происходила смена культур. Это, по существу, одна из исторических закономерностей нашего времени. Темпы культурных перемен стали более быстрыми. В прошлом социальный цикл был гораздо короче культурного. Человек, появившись на свет, заставал определенную структуру культурных ценностей. Она не менялась в течение многих столетий, регулируя жизнь ряда поколений.

Теперь же на протяжении одной жизни может чередоваться несколько культурных эпох. Человек, рожденный в яранге, способен поступить в вуз и обрести совсем другой культурный статус. Он же может вернуться в родное селение и привнести в его жизнь элементы еще не знакомой культуры.

Сместились все представления, к которым мы уже привыкли. Соседка рассказывала, что в этом году мальчик не пойдет в школу – нет денег на школьную форму и учебники. Подземный переход оглушает вас звуками аккордеона. Вы замедляете шаг. Несколько месяцев назад вы видели этого музыканта на сцене филармонии.

Катастрофически быстро рушится привычный уклад жизни, уходит в прошлое то, что еще недавно составляло смысл нашего бытия. Меняются ориентации, низвергаются святыни. Рвутся нити, связывающие нас с близкими людьми... Человек остается одиноким перед надвигающейся опасностью.

Исследователи нередко ставят вопрос: существует ли особая наука под названием «культурология»? Кто конкретно представлял ее в истории мысли?¹² Иногда трудно догадаться, чего хотят авторы этих вопросов: доказать, что никакой культурологии как области гуманитарного знания пока нет, и не нужны определенные усилия, чтобы она сложилась; или, наоборот, поставить под сомнение весьма солидную традицию, в рамках которой накоплено столько открытий, ценнейших наблюдений, глубоких прозрений. Огорчает иное: постоянно навязывая эту тему научному сообществу, авторы этих вопросов уводят исследовательскую мысль в сторону от других, вполне реальных культурологических проблем.

Идея культурологии как самостоятельной гуманитарной дисциплины обозначилась еще в начале прошлого века. Немецкий философ В. Оствальд пришел к убеждению, что культура как феномен может изучаться в рамках отдельной науки¹³. Под культурой он понимал совокупность факторов, обеспечивающих социальный прогресс человечества. Оствальд не только выделил науку о культуре, но и попытался определить круг проблем, которые могли бы войти в ее компетенцию.

Через четверть века американский исследователь Лесли Эль-вин Уайт разработал новую концепцию культуры, подверг переосмыслению представление об эволюции культуры и ее ценности для анализа культуры, предложил название для новой дисциплины – культурологии¹⁴. Кто конкретно занимался культурологией – этот вопрос, пожалуй, предельно ясен. Значительная армия антропологов, этнографов, историков обратилась к изучению феномена культуры. Но можно ли их называть культурологами?

Спорят: сам термин имеет право на существование, но что он реально обозначает – одну науку или комплекс разных наук о культуре? Может быть, это суммарное выражение самых разных областей научного знания о культуре?

Термин «культура» в его современном значении возник сравнительно недавно, всего два-три столетия назад. Древние греки противопоставляли собственную «воспитанность» варварству. Вместе с тем они осознавали, что человек живет не просто в физической, но и в символической вселенной. Это символический мир мифологии, языка, искусства, который сплетается вокруг человека в прочную сеть. Культура – специфика человеческой деятельности, то, что характеризует человека как вид. Поиски человека до культуры не имеют смысла, появление его на арене истории можно рассматривать как феномен культуры.

Почему культурология столь актуальна сегодня? Дело не только в том, что в ее русле накоплены интересные факты и открытия. И даже не в том, что она изучает культуру – этот чрезвычайно разноликий и предельно значимый для человечества феномен. К культуре прояв-

---

¹² См.: Культурология как наука: За и против: Круглый стол. Москва, 13 февр. 2008 г. – СПб.: СПбГУП, 2009. – С. 9.

¹³ Оствальд В. Энергетические основы науки о культуре. – СПб.: Образование, 1909. – 236 с.

¹⁴ Уайт Л.Э. Избранное: Эволюция культуры. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1064 с. – (Серия «Культурология. XX век»).

ляют интерес философия, социология, этнология, этнография, история, семиотика, различные варианты антропологии. Еще недавно наши общественные науки, пытаясь раскрыть содержание социальных процессов, динамики истории, вообще обходились без рассмотрения культурных явлений. Они толковали об экономике, политике, общественном сознании. Однако многие скрытые аспекты жизни общества ускользали от их внимания. В результате важнейшие тенденции, относящиеся к жизни человечества, не принимались в расчет, и предвидение будущего оказывалось вообще невозможным.

Постепенно в гуманитарное сознание входила идея, согласно которой вообще все общественные процессы начинаются с преобразования культуры. Культура захватывает широкий круг жизни человека: традиции, ценности, быт, стиль поведения. Допустим, официальная сторона того или иного социума кажется практически неизменной. Но в это время незримо происходят изменения в том, что люди считают святынями для себя, как они благоустраивают быт, как выстраивают образ жизни. Именно эти феномены оказывают решающее воздействие на культуру, цивилизационное устройство, социальную ситуацию в целом.

Социология

В XIX в. родилась особая наука – социология. Она изучает формы совместной жизни людей и изменения этих форм. Ее представители проявили обостренный интерес к общим и специфическим закономерностям развития общества. В отличие от философов, которые опирались на силы собственного ума и фантазии и пытались скорее догадаться, ухватить путем интуиции и ума общую картину возникновения и становления общества, социологи старались более детально изучать конкретные коллективы, социальные организации. Разумеется, они опирались и на возможности интеллекта. Однако социология в своих выводах исходит из фактов, наблюдений, реальных обобщений.

Несколько лет назад я готовил к изданию книгу Н.А. Бердяева «Философия неравенства». Меня тогда поразила мысль философа: «Жизнь общества – это тайна». Хотелось сразу оспорить этот вывод. Да, мы мало знаем о том, как родился мир. Да, для нас загадка – феномен человека. Это, разумеется, тайна. Но можно ли сказать такое об обществе? Во-первых, человечество накопило огромное множество социальных теорий. Во-вторых, ведь мы пытаемся сегодня сознательно и целеустремленно строить новое общество. Социологи каждодневно собирают неисчерпаемый конкретный материал. Неужели общество – это тайна?

Сейчас я вполне согласен с Н.А. Бердяевым. Понять механизмы общества, внутреннее его устройство, динамику социальной жизни, ее суть мы пока не можем. Нам не понятно, отчего радикальные программы, просчитанные до каждого параграфа, вызывают эффект бумеранга. Почему социальный маятник постоянно бросает нас от реформ к консерватизму? Мы осознаем, что общество – это некая целостность. Однако стремимся тащить социум из пропасти, ухватив за собственные волосы. Мы недоумеваем, что приводит к неожиданному и обвальному сдвигу в жизненных и практических установках людей. Хотелось бы также понять, отчего политическая психология фактически имеет дело с патопсихологией? Почему «эстетика безобразного» оказывается привлекательной в образе политического лидера? Мы третируем обыденное сознание, но вдруг обнаруживаем в нем здоровую трезвость, начисто опрокидывающую развернутые идеологические программы манипуляторов.

Опасна гордыня точного знания, которое может будто бы указать, как выглядит общество на конкретной точке своего развития и куда оно может эволюционировать. Немецкий социолог Макс Вебер не случайно писал о том, что «дикарь» знает неизмеримо больше об экономических и социальных условиях своего существования, чем «цивилизованный» человек в обычном смысле слова. Социологи не располагают сегодня универсальной социальной теорией. Жизнь общества во многом является для нас тайной.

Но что мы должны знать? Немецкий социолог К. Манхейм писал о том, что вовсе не обязательно регулировать все на свете. Можно, скажем, направлять движение поездов. Но незачем предопределять разговоры в купе...

Остается огромная зона свободы, стихийности. Не менее тревожна и другая тенденция – знать об обществе совсем немного, да и то в основном о разговорах в купе. Между тем социология в наши дни может решать разносторонние задачи.

Джон Сол показал в своей книге¹⁵, что, более того, непрерывная и настойчивая сосредоточенность на рациональности, зародившаяся в XVII в., дала неожиданный результат. Постепенно разум начал дистанцироваться и отделять себя от других, так или иначе признанных, характеристик человека: духа, инстинктивных потребностей, веры и эмоций, а также интуиции и, самое главное, опыта. Это постоянное выдвигание разума на первый план продолжается и в наши дни. И оно уже достигло такой степени дисбаланса, что мифическая важность разума затмила все другие категории и едва ли не поставила под сомнение их значимость.

Практическим следствием такого затянувшегося гипноза стало превращение последних пятисот лет в Век Разума. Мы привычно подразделяем этот век на следующие периоды: Просвещение, романтизм, неоклассицизм, неореализм, символизм, эстетизм, нигилизм, модернизм и так далее. Но разница между этими периодами, как и разница между школой Бэкона и школой Декарта, математически доказывающего правильность своих выводов, постепенно переходит в эмпирический, механистический подход Локка, который, в свою очередь, перетекает в детерминизм Маркса.

Достижение власти стало мерилом социальной добродетели. Знание, разумеется, было вынуждено стать гарантом моральной силы разума. Знание – это непобедимое оружие в руках индивида; оружие, могущее гарантировать, что общество построено на разумной и продуманной основе. Но в мире, который зависит от силы, исходящей от структур, объективная оценка силы не могла сохраниться и быстро трансформировалась в приверженность к контролю со стороны разума. Старую классовую цивилизацию заменила цивилизация кастовая – до крайней степени изощренная версия корпоративизма. Знание превратилось в валюту власти и остается таковой и поныне. Эта цивилизация засекреченных экспертов вполне естественно одержима не поиском понимания проблем, а подготовкой ответов на вопросы.

История

Столетие назад в исторической науке господствовал позитивизм. Его приверженцы были убеждены в том, что фрагменты исторической истины легко угадываются в конкретных источниках, в описанных фактах протекшей жизни. Но разве это не единственный путь к воссозданию летописи событий? Позитивисты не признавали иного пути, полагая, что сначала нужно набрать как можно больше фактов, освоить по возможности разные источники и лишь потом искать причинно-следственные связи, за которыми, без сомнения, скрываются законы исторического развития.

Опыт истории многоярусен. Исследователь может основательно проследить летопись событий, имеющих, скажем, отношение к политической стороне жизни. Но при этом окажется равнодушным к тому, что мы называем повседневностью, размеренной житейской практикой, прозой жизни. Ученый может углубиться в социальные подробности человеческого бытия. И при этом упустить из виду ту историческую правду, которая запечатлена в поэзии камня, потоке музыки, сочетании красок. Масса исторических фактов не всегда превращается в картину. Но иной фрагмент культуры раскрывает тайну истории в большей степени, чем скрупу-

---

¹⁵ Сол Д.Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 895 с.

лезное коллекционирование фактов и событий. Освещение факта требует озаренности, интуиции и концептуальной щедрости.

Сейчас власть в России озабочена созданием унифицированного учебника по истории. Не вдаваясь в долгие рассуждения по этому поводу, можно отметить, что эта область гуманитарного знания также находится на пересечении многих споров.

Есть в России историки, которые полагают, что принятие православия на Руси – факт далеко не безобидный и не отрадный. Авторы считают, что русская история началась с приходом православия, с идеологии самого христианства. Между тем, мол, православие отрицает русскую историю, а вместе с ней не одну тысячу лет существования русского народа. Стремление включить в исторический обиход языческие традиции может быть предметом особой озабоченности отдельных исследователей. Но тогда получается, что это еще один продукт идеологического производства. Воскрешение утраченных событий истории, культ традиции – благое дело. Но почему оно должно реализовываться за счет критики православия и принижения его роли в истории русского народа? Известно, что принятие христианства превратило в одночасье Русь в наследницу величайших мировых культур, расширив ее культурно-историческое время на тысячелетие. «Переведенные на церковнославянский “Слова святого Иоанна Златоуста” воспринимались как неотъемлемый факт собственной культуры. Без него и всего компендиума святоотеческого наследия не было бы на Руси митрополита Илариона, Кирилла Туровского, всей богатейшей древнерусской книжности, из которой до нас дошли сущие крупницы. Или взять так называемое второе южнославянское влияние, отразившееся в личности святого Сергия Радонежского, творчестве Андрея Рублёва и русской победе на Куликовом поле»¹⁶.

Однако трудно оспорить тот факт, что после христианизации Руси в эпоху раннего Средневековья международные связи древнерусской культуры расширились. Под влиянием кирилло-мефодиевской традиции сложилась развитая метасистема духовной культуры, охватившая южных и восточных славян на основе одной православной культуры, одной письменности, одной книжности и общих традиций. Древнерусская мудрость выступает в этот период как составная часть философской мысли всех православных славянских народов.

Главные сферы современного человеческого знания так перемешаны, что они составляют единое целое и не являются автономными территориями, управляемыми властями.

---

¹⁶ Рудалев А. Симфонические личности и бездумные штампы // Литературная газета. – М., 2013. – № 25–26.

Специфика гуманитарного мышления

Э.М. Спирова

Три модели знания

В современной философии заметен весьма продуктивный процесс рефлексии над идеалом науки. Этот эталон уже не рассматривается как единственный, поскольку рождаются типологически различные представления о специфике научного знания. Так, В.М. Розин выделяет три несовпадающих типа идеала науки – «античный», «естественно-научный» и «гуманитарный»¹⁷. Последний в этом перечислении идеал науки противопоставлен естественно-научному дискурсу. Гуманитарные науки изучают не природу как таковую, а некую гуманитарную реальность. В тех рефлексивных отношениях, которые складываются в этом процессе, сам исследователь и те феномены, которые он постигает, относятся к одной реальности – культуре, духу, сознанию, человеку. Именно поэтому невозможно «разъять» исследователя и его объект. Гуманитарные знания прямо или опосредованно включаются в изучаемые процессы или явления и даже влияют на них.

Возьмем для примера опыт интроспекции в психологии. В качестве объекта исследования оказывается внутренний мир человека. Но кто его реконструирует, кто воссоздает? Сам исследователь. Становление экспериментальной психологии в начале прошлого столетия было неотъемлемо связано с самонаблюдением.

Несмотря на то что в ходе последующего развития психологии ученые отказались от этого метода, ссылаясь на получаемое искаженное и субъективное знание о внутреннем мире человека, сама эта предпосылка не исчезла, не забылась.

Критика интроспекции строилась на том, что два наблюдателя будут всегда получать разные результаты, поскольку обнаружатся индивидуальные различия между ними. Однако в гуманитарном познании изучаемый объект неизменно вбирает в себя черты самого исследователя. С этой точки зрения интроспекция не является исключением. Оппоненты гуманитарного знания утверждают, что язык не в состоянии передать все оттенки индивидуального сознания. Однако на практике мы всегда понимаем, что другие люди хотят передать с помощью слов. В наши дни, в отличие от классической точки зрения, допускается существование не одного, а многих методов интроспекции, обладающих различной степенью систематичности и строгости.

Когда индивид сообщает о своем собственном опыте, он исходит из той же посылки, из какой исходит астроном, наблюдая за звездами. В. Вундт утверждал, что свои собственные состояния можно оценивать так же, как ботаник оценивает растения. С помощью интроспекции можно изучать «наивный» человеческий опыт, как это делают, к примеру, гештальт-психологи. Наконец, в гуманитарном знании возможна такая ситуация, когда человек (пациент) описывает свои состояния, а другой (аналитик) пытается их осмыслить. И в том и в другом случае можно говорить об определенной мере субъективности получаемого знания. Однако приближение к истине все-таки очевидно.

В науке нет единого метода, но есть возможность экспертизы примененной процедуры. «В норме гуманитарного ученого интересуют другие, не технические области употребления научных знаний, а именно те, которые позволяют понять другого человека, объяснить определенный культурный или духовный феномен (без установки на его улучшение или перевоссо-

---

¹⁷ Розин В.М. Предпосылки и особенности античной культуры. – М.: ИФ РАН, 2004. – С. 9.

знание), внести новый смысл в определенную область культуры либо деятельности (т.е. задать новый культурный процесс или повлиять на существующий). Во всех этих и сходных с ними случаях гуманитарная наука ориентируется не на инженерию, а на другие, если можно так сказать, гуманитарные виды деятельности и практики (педагогику, критику, политику, художественное творчество, образование, самообразование)»¹⁸.

Еще одна методологическая особенность гуманитарного знания заключается в поиске целостности. В процессе реконструкции объекта этот тип знания более свободен, нежели естественнонаучный дискурс. Поэтому в идеале гуманитарий способен «достроить» знание в соответствии с собственным теоретическим проектом. С этой точки зрения при философском постижении оказывается непродуктивной идея его отстранения от природы. На это указывал М. Шелер, когда отмечал неадекватность выведения человека из общей взаимосвязи жизни и природного космоса. При таком подходе невозможно, по словам философа, постигать великую солидарность всех живых существ между собой и одновременно солидарность мирового процесса с судьбой становления его высшей основы¹⁹.

Те же мысли находим и у М. Бубера. Философия, по его мнению, неоправданно либо исключает из своего рассмотрения человека в его целостности и видит в нем лишь частицу природы, как это делает космология, либо, в лице отдельных ее дисциплин, отрывает от человеческой целостности некую специальную область, отделяет ее от смежных областей и устанавливает для нее особые принципы и методы. Но, по мнению Бубера, философия как гуманитарное познание должна оставаться открытой и доступной, во-первых, для идей собственно метафизики как учения о бытии вообще, о сущем и о наличном бытии, во-вторых, для выводов отдельных своих дисциплин и, в-третьих, для достижений собственно философской антропологии²⁰.

«Науки о человеке», или «гуманитарные науки», как их обычно называют, занимают сегодня главное место в области научных, исторических и философских исследований. Изучение человека, его социального поведения, ответов, даваемых его культурой на все новые вопросы, выдвигаемые природой и историей, изучение ценностей, символов, идеалов, мифов, языка, всего того, что придает смысл и характер его трудному земному пути, не может быть делом одной лишь истории и философии или же предметом религиозно-морального размышления.

История и философия, мораль и религия имеют огромные заслуги, которых никто не может оспаривать. Без их участия гуманитарные науки вообще, вероятно, не могли бы зародиться или же были бы лишены прочных теоретических и моральных основ. Однако новые науки о человеке теперь уже выработали свои собственные критерии и методы исследования, они проникли в четко определенные области человеческой жизни, в которых и установили свою эпистемологическую юрисдикцию, они уже приобрели свой оригинальный этос.

Социологи, этнологи, психологи, антропологи, ученые, которые исследуют структуры и институты, обычаи и верования, мифы и ритуалы, символы и ценности, язык и произведения искусства, мировоззрение и виды поведения, проводят чисто эмпирические исследования, очень полезные и помогающие освободить ум от наростов вековых догм и предрассудков.

Теперь уже не учитывают доводы здравого смысла, претендующие на очевидность, и еще менее доверяют обманчивым утверждениям метафизики и теологии, которые все еще стараются установить априорно или путем одной лишь интроспекции, что такое человек или чем он должен быть, какова вечная онтологическая структура условий человеческого существова-

---

¹⁸ Розин В.М. Предпосылки и особенности античной культуры. – М.: ИФ РАН, 2004. – С. 13.

¹⁹ Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 117–118.

²⁰ Бубер М. Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – С. 162.

ния, какова его неизменная сущность, каковы постоянные мотивы человеческого поведения и каковы конечные и абсолютные цели его существования.

Очерченные границы

Новые гуманитарные науки разбивают былые четко очерченные границы естественных и культурно-исторических наук. Они не укладываются в рамки или в традиционные методы естественных наук, потому что науки о человеке не ограничиваются физической антропологией, а постоянно выходят за ее пределы, когда изучают непредсказуемые способы, используемые человеком для изменения природы, внешней и внутренней, и приспособления ее к тем социальным и культурным уровням, которые физические науки лишь слегка затрагивают. Они также не укладываются и в рамки традиционных «гуманитарных» наук с их вчерашней эпистемологией, столь дорогих В. Дильтею, Г. Риккерт, В. Виндельбанду и всем тем, кто лишь с небрежностью, которая сегодня кажется чрезмерной, упоминали о достижениях и методах естественных наук.

Действительно, социальные, исторические и культурные явления представляют собой события или процессы, характеризующиеся очень сложной эпистемологической стратификацией, в которой, в некотором смысле, подытоживаются все наши знания. Эта эпистемологическая стратификация требует, например, чтобы культурные и «духовные» проблемы смысла и ценности охватывали также всегда их натуралистическую предпосылку, опирались на несущую структуру, на биолого-экзистенциальную базу, которую нельзя игнорировать. Хотя «натуралистичность» человека во многих своих проявлениях оригинальна и изменчива, пластична и гибка и ее нельзя зафиксировать в параметрах экстраисторических и экстракультурных, она тем не менее не является из-за этого чем-то нереальным или ускользающим. Естественные науки имеют свой голос при решении любой проблемы человека.

Свобода человеческой деятельности существует, но она не может быть определена старыми спиритуалистическими формулами, согласно которым эта свобода является непременной предпосылкой любого антропологического исследования.

Философская антропология – это размышление о той двойственной позиции, которую занимает человек в природе и в космосе. «Натуральность» человека связывают с его циклами жизни и смерти, роста и старения, с биологическими ритмами его тела, с его генетическим наследием, с целым комплексом структур, которые человек не может менять по своему желанию. Но эта натуральность является лишь исходной точкой, а не обязательным направлением, предписывающим или предопределяющим путь индивидуума во времени и в истории. Надежды известного ученого Ф.Г. Добжанского, основывающиеся на анализе эволюционных процессов, охватывающих воедино природу и культуру, биологию и человеческую мудрость, совпадают с надеждами современных теологов, которые стараются построить религиозную антропологию в согласии с учеными-натуралистами. Для Тейяра де Шардена эволюция – это свет, который освещает все факты, это траектория, которой должны следовать все направления мысли. Эволюция материи, эволюция жизни, эволюция человека являются для него неразрывными частями единого процесса космического развития, единой истории всей Вселенной. Нет больше метафизической или космической гарантии того, что история – это необходимый процесс искупления или спасения. Существует скорее надежда на то, что она представляет собой место, где жизнь обретает самосознание и ясность, где природа возвышается и самоизменяется, не уничтожаясь, не обращая вспять своего движения, не покрываясь теологическими тенями зла.

Строгое разграничение между естественными науками и гуманитарными оказывается несостоятельным также и с другой точки зрения, как ясно показывает эпистемология. Неверно, будто естественные науки объективны и строги, универсальны и непогрешимы, потому что они

свободны от «субъективизма», от человеческой ограниченности, которую неизбежно вносит страсть наблюдателя при изучении человеческой жизни. Конечно, естественные науки можно отличить от гуманитарных наук по их объекту, более широкому, охватывающему все существующее в природе, в том числе и человека.

Можно также согласиться с тем, что наблюдателю гораздо легче оставаться нейтральным при рассмотрении внутренностей вши, нежели человека, расстрелянного во время гражданской войны. Но это предрассудок – считать, будто естественные науки дают нам абсолютные истины, а не истины вероятные и правдоподобные. Все науки, естественные и гуманитарные, пользуются гипотезами и рабочими схемами, служащими руководством и ориентиром при истолковании опыта, который иначе оставался бы немым и непонятным без искусства открытия, порождаемого творческим воображением. Наука, понимаемая как отражение или копия неизменной действительности, – это старая эпистемологическая догма, которую развитие науки разрушает день за днем.

Естественные науки требуют изобретательности и фантазии, игры в самом высоком смысле этого слова, а гуманитарные науки, в свою очередь, нуждаются в эмпирическом наблюдении, строгом анализе, в рациональных и поддающихся проверке рабочих гипотезах. Естественные науки тоже являются гуманитарными, а гуманитарные науки, в свою очередь, не могут сделать никакого волшебного скачка за пределы природы, которая в конечном счете, если ее понимать в глубоком смысле, охватывает собой все. Все явления на определенном уровне оказываются натуралистическими и антропологическими, биологическими и историческими, физическими и социокультурными, хотя, конечно, понятны те прагматические и дидактические мотивы, которые заставляют изучать их отдельно, распределяя труд между разными отраслями наук.

Сегодня человек, который понял этос науки, становится уже более осторожным и скромным. Он видит неполноту своих представлений, инструментальный и временный характер тех категорий, которыми он пользуется, относительность всех своих утверждений. У него нет больше вечных образцов, абсолютных моделей, ценностей, которые в былые времена (например, на Востоке, в Греции и в Средние века) стояли на его духовном горизонте как сияющие неподвижные звезды. Призванный жить в мире, меняющем свое лицо и становящемся, волей или неволей, универсальным, разбивая старые национальные, расовые, идеологические, «этноцентрические» предрассудки, человек замечает собственную ограниченность и видит необходимость перехода от замкнутой конечности к конечности открытой.

Философская антропология сегодня немыслима без поддержки наук вообще и гуманитарных наук в частности. Гуманитарные науки, в их более широкой перспективе, неизбежно соприкасаются с философской антропологией. Например, социология, исследуя религию, мораль, право, искусство, язык, воспитание или самую широкую область – область символов, в которые облакаются идеи и ценности, не может избежать встречи с философией. Если философия решает доказать законность и истинность символов, то только социология может предоставить ей весь необходимый материал, касающийся конкретных изменений этих символов, их смысла, их эффективности и их роли в общественных явлениях. И только философский анализ может дать социологическим исследованиям критерии отличия символа от иллюзий, от несимволических знаков и сигналов.

Философская антропология, понимаемая в том широком смысле, который мы старались уяснить, а не просто как физическая антропология или чисто этнографическое или этнологическое исследование без культурно-философских горизонтов, представляет собой науку об обществе и культуре, о социальном действии и культурных начинаниях, которые объективируются в обычаи, институты, поведение и стиль жизни. Изучать же культурные формы, «объективный дух» – это значит также уяснить себе великие уроки философии, например учение Вико и Монтескьё, Гегеля и Маркса.

Это означает увидеть в философии прошлого этнологические, антропологические, социологические моменты, которые присутствуют там под другим именем, потому что немислимо, чтобы великая философия не коснулась хотя бы вскользь тех проблем, которыми занимаются сегодня гуманитарные науки.

Горизонты философской антропологии

Вклад Фейербаха и Маркса в современную антропологию очевиден. Фейербах хотел заменить теологию антропологией, вскрыть сущность религии и дух христианства, чтобы освободить человека от религиозного отчуждения. Маркс критически рассматривал теоретическое отчуждение, религиозное отчуждение и экономическое отчуждение человека. Он показывал человека как экономическую потребность, как природу, которая становится историей, как активное существо, творящее самое себя и свой мир, освобождающееся от груза структур и институтов, сковывающих и умерщвляющих возможности, заложенные в его сущности, – в не-отчужденном труде, подлинном творце новых условий человеческого существования, освобожденных от мучительных противоречий.

Углубить изучение человека, используя то, чему учат новые гуманитарные науки, – это означает вскрыть реальную полноту человека, охватить широту и разнообразие человеческого опыта, описать феноменологию действия, инициативы поведения человека в мире, в котором жизненные ситуации оказываются рискованными и ненадежными, случайными и преходящими. Сам человек в том, что касается его поведения, большей частью непредвидим, побуждается мотивами, которые мы знаем плохо и которые гораздо сложнее, нежели это представляли гедонизм, позитивизм, утилитаризм в своих наиболее схематичных и наивных формах.

Человеческие способы встречать рискованные ситуации, защищать бытие-в-мире, «человеческое присутствие» от опасностей заблуждения, отчуждения, растерянности, тоски представляют собой не только эмпирические приемы, позитивные и логические, которым мы доверяемся, следуя нашей западной научной традиции. Они представляют собой также, и в немалой степени, хотя часто и неосознанно, приемы мифические и метафизические, символические и ритуальные, религиозные и этические, имеющие широкое применение во всех мистических цивилизациях, но, конечно, присущие не только *homo magicus* (человеку, верящему в магическое) и донаучным цивилизациям, или *homo credulus* (легковерному человеку) в его наивной простоте.

Если европейский человек действительно хочет следовать сократовской заповеди и познать самого себя, лучшим путем к этому познанию может быть длинный и трудный путь исторического и антропологического исследования. Если Платон в «Государстве» для того чтобы узнать душу отдельного человека изучал ее увеличенные очертания в политическом и социальном объединении, то метод этот остается действенным и сегодня в том смысле, что структура человека действительно познается с помощью научных, контролируемых методов и поддающихся повторению экспериментов, а не с помощью самонаблюдения или интроспекции, которая часто оказывается кривым зеркалом.

Речь идет уже не о том, чтобы выявить «эпистемологический субъект» в его сознательном выражении, критически осовремененном, и не в том, чтобы выявить и описать идеальную и трансцендентальную структуру предмирского (до возникновения мира существовавшего преед-антропологического субъекта), а в том, чтобы познать характер человека в его мирских объективациях, в его социальных контекстах, в перипетиях его исторических отношений. Предметом современной антропологии является человек в его действиях, в его существовании, в его разнообразных приспособлениях, во множестве его качеств.

Много раз делались попытки построить философию действия, философию поведения, философию основополагающей субъективности, которая дала бы связность многообразных

действий, поведения, взглядов, и всякий раз такие попытки превращались в произвольное утверждение примата какой-нибудь частной тенденции или какого-нибудь частного действия. Логика, экономика, либидо, воля к власти, – т.е. одна-единственная структура или одно качество – односторонне используются для того чтобы сконструировать несущую структуру, основу всякой человеческой деятельности.

При этом вместо того чтобы изучать человека без предвзятых мнений и без предрассудков в феноменологии его культурных и исторических черт, его втискивают в Нессову рубашку догматической метафизики, которая возводит в образец, в абсолютную ценность и в конструктивный принцип один какой-нибудь момент или аспект человеческой жизни. Всякий разговор о человеке превращается в разговор об особом достоинстве или значении некоей определенной стороны человеческого бытия. Вместо науки *de Homine* (о человеке) антропология становится наукой *de dignitate hominis* (о человеческих достоинствах) благодаря роковому и, быть может, неизбежному в истории процессу, а также благодаря этноцентрическому пороку, грубо отстраивающему всякое мнение, не совпадающее с нашим собственным, с нашим образом жизни.

Антропология, выдержанная в философском недогматическом стиле, – это исследование о человеке с минимумом этноцентрических предпосылок, исследование человека-структуры, охватывающее всю широту человека-горизонта и все разнообразие человеко-траектории.

Человеческая инициатива может быть куском палеолитического камня, рисунком в глубине темной пещеры, сделанным 12 тысяч лет назад, охотничьим обрядом австралийского племени или же Сикстинской капеллой, ядерной физикой, картиной Пикассо или симфонией Стравинского. Великий вклад, который феноменология может внести в культурную антропологию, – это обращение к проблемам смысла, ценности, значения, намерения, которые выражаются в самом строении культурных феноменов. Феноменология учит понимать и оценивать субъективный фактор, проявляющийся в структуре объектов и действий. Как в феноменологии, так и в экзистенциализме справедливо ставится проблема субъективности как источника смысла, значения и ценности. Человек с самого начала своей истории был существом семантическим, аксиологическим, телеологическим, потому что не довольствовался тем, чтобы жить как-нибудь, ограничиваясь лишь удовлетворением насущных потребностей, необходимых для продления его физического существования. Его орудия, ритуалы, символы, мифы, институты показывают нам, что на всех культурных уровнях человек стремится придать смысл и ценность своему существованию, возвысить его или освятить, найти цель или *telos*.

Даже в те эпохи, когда жизнь, кажется, утрачивает всякий смысл, погружается в ничто или абсурд, в те периоды, которые мы называем периодами кризиса или упадка, само возникновение неврозов и психической неуравновешенности, тоска, беспокойство парадоксальным образом свидетельствуют о том, что стремление к смыслу и ценности, потребность в цели и порядке нельзя уничтожить в уме и сердце человека. Нигилизм и философия абсурда появляются как патологические симптомы или как искренний протест, когда прежние ценности и смысл теряют свой блеск, но вовсе не являются доказательством того, что можно жить в мире, лишенном смысла. Задачей наук о человеке, исследующих вообще деятельность или поведение, является, как утверждает М. Шелер, *понимание* с помощью интерпретирующего метода действий, направляемых смыслом.

В ходе своего исторического развития философская антропология разработала множество категорий. Они рождались в разное время и в разных контекстах. Поэтому возникает проблема определенной классификации данных понятий, их внутреннего соотношения, концептуальной сцепленности. «Понятия, как грибы или люди, в большинстве случаев живут семьями, – пишет В.А. Кутырев, – притом традиционного типа – патриархальными, клано-

выми. Они могут то сосредоточиваться, вбирая в себя чуть ли не все ближайшее окружение, то заводить романы на стороне, пуская от своего корня десятки побегов»²¹.

Вероятно, следует каким-то образом отделить законных сынков от бастардов. Или точнее и корректнее: выделить некие концентрические круги понятий. Первый круг – самый коренной, отцовский. Сюда можно отнести слова: «человек», «человеческая сущность», «человеческая природа». С древнейших времен родилась потребность определить, что такое или кто такой человек. Суммарно мы определяем человека как особый род сущего, субъекта социального развития, творца культуры, исторического развития²².

Однако корневое слово философской антропологии не сохранило кровнородственной чистоты. Оно сразу обросло родственниками. Оказалось, что в известном смысле «индивид» и «человек» одной крови. Они синонимичны в определенном контексте. А познающий человек не отрицает своей близости к слову «субъект», не претендующему на кров именно в этом философско-антропологическом доме. За составление родословной человека взялись многие понятия. Прежде всего, конечно, антропология. Она стала наукой о происхождении и развитии человека, обозначив свои права на постижение «антропогенеза». Дерево разветвилось и отпрысков оказалось немало. Здесь и «антроподицея», и «антропоморфизм», и «антропософия», и «антропоцентризм».

Человек стремится преодолеть границы собственного существования, расширить их. Это его сущностное свойство. Однако, как уже отмечалось, большинство людей вполне могут удовлетвориться обычным природным существованием, раствориться в недрах социальной анонимности, не пытаясь прорваться к истине бытия. В этом случае философы говорят: бытие ускользает, не проявляется...

«Попытка ухватить идею человека, выявить его сущность лучше всего проглядывает, судя по всему, в проблеме целостности человека. Здесь можно указать на две тенденции в подходе к данной теме. Первая тенденция выражается в убеждении, что для постижения тайны человека важно накопить значительный эмпирический материал. Предполагается, что только через анализ и обобщение накопленных фактов может проступить целостное представление о том, что являет собой человек. Это стремление, инициированное Платоном и всесторонне развернутое Кантом, захватило век назад М. Шелера и его сподвижников. В наши дни данная тенденция окончательно определилась как попытка комплексного изучения человека.

Здесь налицо явная подмена. Комплексность не выражает идею целостности. Можно изучать разносторонне объект, который по определению не является целостным, а напротив, олицетворяет представление о фрагментарности. Тем не менее философское постижение человека, как уже отмечалось, постоянно дробится на множество антропологий: философскую, культурную, историческую, политическую, психоаналитическую, религиозную, юридическую. Само по себе накопление знаний о человеке не является делом бесплодным или недостойным. Однако при таком устремлении зачастую утрачивается сам замысел. “Накопители” фактов не видят, что многие философские, научные или религиозные суждения о человеке взаимно исключают друг друга и вовсе не кристаллизуют “окончательное” представление о человеке»²³.

Однако мы видим, что постоянное приращение понятий в системе философской антропологии ставит вопрос и о том, как выглядит иерархия этих категорий. Вполне понятно, что можно выделить такие слова, которые не только являются значимыми для философского постижения человека, но и оказывают влияние на весь понятийно-категориальный арсенал философской антропологии. Такая проблема заметна и в других философских науках. В эсте-

---

²¹ Кутырев В.А. Бытие или ничто. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 160.

²² См.: Фролов И.Т., Гуревич П.С. Человек // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 8-е изд., дораб. и доп. – М.: Республика: Современник, 2009. – С. 774.

²³ Гуревич П.С. Расколотовость человеческого бытия. – М.: ИФ РАН, 2009. – С. 27.

тике, к примеру, такие главные, универсальные категории обнаруживаются легко, хотя они и меняются с течением времени. Однако вокруг таких понятий кристаллизуются и все остальные. Так, в античной эстетике (Платон, Аристотель), в средневековой эстетике (Августин Блаженный, Фома Аквинский), а также у Гегеля и у Шиллера, Чернышевского в центре находится категория прекрасного. У Канта – эстетическое суждение, у эстетиков Возрождения – эстетический идеал²⁴.

Попробуем выделить те понятия, без которых философская антропология немислима. Прежде всего, это такие значимые сочетания, как «сущность человека», «человеческое бытие», «человеческая природа», «модусы человеческого существования». В арсенале философской антропологии прочно закрепились также и такие слова, как «индивид», «индивидуальность», «личность». Еще один понятийный ряд включает в себя такие категории, как «идентичность», «персонализация», «идентификация». Слово «личность» обрастает сходными по смыслу понятиями – «личностный рост», «персона», «индивидуация», «актуализация». Особую группу понятий в философской антропологии составляют так называемые экзистенциалы – любовь, страдание, вера, надежда, забота, страх, смертолюбие, фанатизм, корыстолюбие и т.д.

К. Ясперс писал в 1913 г.: «Из фундаментальной предрасположенности человека и любого живого существа развивается некая не делимая на тело и душу “сущность”. Разделение на эти два компонента может иметь свои достоинства, но не в данном случае, поскольку речь идет о “сущности”, охватывающей тело и душу в их единстве и лишь проявляющейся физически. Вместо двух аспектов, т.е., соответственно, физической, внешней, биологической реальности и бестелесного психического бытия – совокупности “переживаний” со всеми внутренними взаимосвязями, – мы имеем идею “сущности”, охватывающей как тот, так и другой аспекты, сохраняющей свою неделимость и в то же время типичность и составляющей внутреннюю, наиболее глубинную характеристику человека»²⁵.

Свои законные права предъявило понятие «человеческой природы». «От нашего представления о природе человека, – пишет В. Брюнинг, – зависит очень многое: для конкретных людей – смысл и цель жизни, понимание того, что нам следует делать и к чему стремиться, на что надеяться или кем быть; для человеческих сообществ – какое мы хотим построить общество и какого рода социальные изменения должны осуществлять. Ответы на все эти важнейшие вопросы зависят от того, признаем ли мы существование некой “истинной”, или “внутренней”, природы людей. Если да, то что же она такое? Различна ли она у мужчин и женщин? Или подобной “сущностной” человеческой природы нет, а есть лишь способность формироваться под воздействием социального окружения – экономических, политических и культурных факторов?»²⁶

Эти фундаментальные вопросы о природе человека вызывают множество разногласий. Различные конкурирующие концепции, связанные с этим понятием, рассматривают Л. Стевенсон и Д. Хаберман в книге «Десять теорий о природе человека»²⁷. Но где же все-таки искать ответ на вопрос, какова человеческая природа? Философы обычно указывали на какой-нибудь доминирующий признак, который заведомо характеризует человеческую статью: разум, социальность, общение, способность к труду. То, что человек необычаен для природного царства, казалось, ни у кого не вызывает сомнений. Вот почему его оценивали как особую форму жизни, которая похожа на другие формы жизни, но вместе с тем принципиально отличается от них. Человек, несомненно, часть природы. В то же время естественные функции у него не выглядят

²⁴ См.: Самохвалова В.И. Безобразное: Размышления о его природе, сущности и месте в мире. – М.: МАКС Пресс, 2010. – С. 11.

²⁵ Ясперс К. Общая психопатология. – М.: Практика, 1997. – С. 321.

²⁶ Брюнинг В. Философская антропология. Исторические предпосылки и современное состояние // Западная философия: Итоги тысячелетия / Сост. В.М. Жамияшвили. – Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997. – С. 45.

²⁷ Stevenson L., Haberman David L. Ten theories of human nature. – 3-d ed. – Oxford: Oxford university press, 1998. – 354 p.

органичными. Стало быть, нужен какой-то иной подход к оценке человека, ибо перечисление признаков, которые можно множить до бесконечности, по сути дела, ничего не проясняет в определении его природы. Так постепенно складывалось представление о биосоциальной природе человека.

Биологическое и социальное – это соотношение природных и культурных факторов в человеческом поведении, в самом человеческом естестве. В истории философии П.С. Гуревич выделяет две тенденции в понимании этой проблемы и этих понятий. Одна сводится к утверждению примата социального над природным. Эта позиция разносторонне обоснована в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, в трудах советских исследователей. Другая предполагает, что именно природа человека обуславливает его социальное поведение. Эта точка зрения основательно представлена сегодня социобиологией, которая вновь остро поставила принципиальные для человекознания вопросы о соотношении биологического и социального, психологического и физиологического в развитии человека, генетических предпосылок и воспитания. Обе тенденции объединяет представление о том, что человек все-таки природное существо.

Однако, характеризуя принадлежность человека природе, Маркс и Энгельс отмечали ограниченность и обусловленность человеческого существа, с одной стороны, и универсальность человека – с другой. Итак, человеческая природа двойственна. Но вопрос о соотношении этих двух сторон трактовался по-разному. Просветители полагали, что социальная среда, воспитание способны преобразить человека. Маркс развил эту идею дальше: природное в человеке целиком обуславливается социальными факторами. Человеческое измерение природы существует только для общественного человека, ибо только в его обществе природа является звеном, связывающим человека с человеком. Только в обществе природное бытие становится человеческим бытием. Общество есть законченное сущностное единство человека с природой²⁸

---

²⁸ См.: Гуревич П.С. Биологическое и социальное // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 8-е изд., дораб. и доп. – М.: Республика: Современник, 2009. – С. 73.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.